

Матиев Тимур Хусенович

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА В КАМПАНИИ 1942 Г. НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ
(НА ПРИМЕРЕ МАЛГОБЕКСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ)**

В статье изучены действия противоборствующих сторон по организации и ведению психологической войны и контрпропаганды в ходе битвы за Кавказ в 1942 г. на примере Малгобекской оборонительной операции. Обращается внимание на значение пропаганды и контрпропаганды в условиях военного противостояния на советско-германском фронте в рассматриваемый период. Анализируются действия в рамках психологической войны, направленные как на войска, так и на гражданское население. При этом изучены различные формы ведения пропаганды (радиопередачи, листовки и др.). Особое внимание уделено действиям фронтовых пропагандистов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 115-118. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**GENERAL P. D. TSITSIANOV'S APPOINTMENT AS COMMANDER-IN-CHIEF
IN THE CAUCASUS REGION (1802) IN THE CONTEXT OF REGIONAL SITUATION
AND ITS VISION BY THE RUSSIAN SUPREME POWER**

Manakov Pavel Vladimirovich
Armavir State Pedagogical University
pv-manakov@mail.ru

The article analyzes the circumstances of General P. D. Tsitsianov's appointment as Commander-in-Chief in the Caucasus region conditioned both by the traditions of Russian government's staff policy and by the peculiarities of regional situation and Emperor Alexander's I vision of it. In this connection the author examines the meaningful nuances of the Russian-Caucasian interaction occurred to the moment of P. D. Tsitsianov's appointment. The paper for the first time analyzes the orders he got from the supreme power and concludes that P. D. Tsitsianov got no detailed instructions from Petersburg concerning the policy in the North Caucasus region.

Key words and phrases: Russian-Caucasian interaction; citizenship oaths; expansion by forays; Caucasians' Islamization; integration of Caucasians into the Russian governmental system; Russian North Caucasus.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье изучены действия противоборствующих сторон по организации и ведению психологической войны и контрпропаганды в ходе битвы за Кавказ в 1942 г. на примере Малгобекской оборонительной операции. Обращается внимание на значение пропаганды и контрпропаганды в условиях военного противостояния на советско-германском фронте в рассматриваемый период. Анализируются действия в рамках психологической войны, направленные как на войска, так и на гражданское население. При этом изучены различные формы ведения пропаганды (радиопередачи, листовки и др.). Особое внимание уделено действиям фронтовых пропагандистов.

Ключевые слова и фразы: Малгобекская операция; битва за Кавказ; психологическая война; пропаганда; агитация; листовки; подрывная работа.

Матиев Тимур Хусенович, к.и.н.

Ингушский государственный университет, г. Магас
tmt_77@list.ru

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА В КАМПАНИИ 1942 Г.
НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ
(НА ПРИМЕРЕ МАЛГОБЕКСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ)**

В ходе боевых действий на советско-германском фронте с первых дней войны обеими сторонами большое внимание уделялось ведению психологической войны. Характеристика начавшегося противостояния между Германией и СССР как идеологического, принимаемая обеими сторонами, обуславливала жестокость и бескомпромиссность этой борьбы. В ней все методы были хороши, и приемы психологической обработки противника – и населения, и войск – были одним из важнейших инструментов.

К осени 1942 г. накал этой борьбы достиг пика. Немецкое наступление, приведшее вермахт к отрогам Большого Кавказа и берегам Волги, поставило под угрозу само существование Советского Союза. Вместо политических и классовых лозунгов все чаще шли в ход простые понятные формулы, такие как «Убей немца» – призыв, почти одновременно прозвучавший в знаменитом стихотворении К. Симонова и статьях И. Эренбурга, определивший отношение советских войск и населения к противнику на втором году войны [1, с. 34].

В свою очередь, нацистская Германия также уделяла огромное внимание ведению психологической войны, делая ставку прежде всего на внесение национальных и иных форм раздора в советское общество [2, с. 223]. Осенью 1942 г. пожар войны перекинулся на многонациональный Северный Кавказ. Противник, в частности, пытался использовать этническую пестроту региона как бомбу, заложенную под обороноспособность СССР. Хорошо это можно проследить на примере Малгобекской оборонительной операции – одного из ключевых моментов битвы за Кавказ и в целом летне-осенней кампании 1942 г. на советско-германском фронте.

Большое внимание уделялось ведению агитации с переднего края, в том числе и на языках народов Кавказа, представители которых, как знала немецкая разведка, воевали в частях, оборонявших Малгобек. Так, например, 16 октября с помощью громкоговорящей автоустановки чинами роты была предпринята попытка обращения на русском, армянском и азербайджанском языках с призывом к сдаче, однако, как отмечается в донесении, «громкости установок не хватило, мембрана вышла из строя, и передачу пришлось прекратить» [11, ф. 983]. Разумеется, такая попытка была не единственной, и вербовка перебежчиков оставалась одним из важнейших направлений деятельности «кавказской роты». В поле деятельности диверсантов был и сбор всех видов разведывательной информации.

В непосредственной близости от линии фронта были размещены подразделения Абвера, укомплектованные лицами, прошедшими спецподготовку и владевшими языками некоторых народов региона. Их участие в диверсиях и пропагандистской работе за линией фронта также должно было, по мысли организаторов акций, внести раскол в советское общество, посеять недоверие между коренным населением и войсками, обороняющими Кавказ.

Характерно при этом, что ни в одном из документов штаба 9-й советской армии, сражавшейся на малгобекском направлении, в период битвы за Малгобек не отмечено фактов каких-либо дружественных по отношению к противнику и враждебных по отношению к собственным войскам действий или высказываний местного населения [3, с. 404].

Одним из важных видов диверсионной борьбы, для которой использовалась, в частности, «кавказская рота» Абвера, было нарушение линий связи (например, сообщается, что в ходе вылазки 13 октября была уничтожена линия советской телефонной связи) [2, с. 225]. Приходилось диверсантам и участвовать в серьезных боях, особенно в период «войны высот» после взятия Малгобека. В основном эти бои велись «кавказской ротой» с советскими разведгруппами, которые также занимались активным поиском и сбором сведений на переднем крае и в ближнем тылу врага.

Характерно, что потери, которые несли немецкие диверсионные подразделения, были ниже, чем в остальных частях вермахта – даже когда речь шла о набранных не из этнических немцев. За период боев под Малгобеком в сводках «кавказской» роты значится всего один раненый и один пропавший без вести или пленный [11, f. 997]. В случае с последним «кавказцем», правда, командование подняло шум, который никогда не вызывали гораздо большие потери в обычных армейских частях. Дело в том, что «кавказец» был потерян вместе со всеми находившимися при нем документами. В результате командование 111-й дивизии, в полосе которой произошел инцидент, разослало по войскам специальное предписание, которое содержит ценные сведения о самой «кавказской» роте. В предписании, в частности, дается подробнейшее описание удостоверения (аусвайса), имевшегося при пленном диверсанте. В нем говорилось: «Предъявитель сего является военнослужащим германского вермахта. Он не владеет немецким языком, и не обязан никому сообщать о своем задании». При обнаружении аусвайса или при его предъявлении предписывалось незамедлительно доставить его в разведотдел дивизии [10, f. 996].

В войсках, штурмовавших Малгобек, ходили официальные памятки о том, как надлежит вести себя солдату в этой «варварской» стране, в которых, в частности, констатировалось, что «немецкому солдату в России противостоит не равноценный по культурному уровню противник. Преимущественно большевики используют против нас свои хорошо развитые звериные инстинкты и нечувствительность к погоде и местности» [9, f. 775].

Несмотря на то, что гитлеровцы делали ставку на возможное сотрудничество горских народов в деле борьбы с советским режимом и в связи с этим призывали своих солдат и офицеров вести себя в горских областях Кавказа осторожнее, чем на Востоке в целом, уже в сентябре 1942 г. командование противника, очевидно, перестало питать какие-то иллюзии насчет перспектив широкомасштабного взаимодействия с местным населением в вышеозначенном смысле.

Осознание провала попыток использовать национальную карту постепенно приходило и к противнику. Так, в сентябре 1942 г. в немецких инструкциях действующим войскам содержатся уже жесткие ограничения на привлечение местного населения в качестве «хи-ви» (сокращение от нем. *Hilfswillige* – добровольных помощников), например переводчиков, проводников и т.д. В частности, предписывалось для их работы в расположении частей выделять строго определенные часы, по истечении которых они не могли находиться в войсках. Даже в эти часы своего пребывания в расположении войск они подлежали неотрывному наблюдению, что особо подчеркивалось в инструкции. Помещения, где хранятся секретные документы, оборудование и т.д., подлежали строжайшей охране от проникновения туда местных пособников оккупантов, что говорит о степени доверия к ним [8, f. 781].

Советская сторона проявляла и не меньшую пропагандистскую активность, чем противник. Помимо агитации через радиоустановки, большое внимание уделялось разбрасыванию листовок над передним краем, в которых содержались призывы к немецким солдатам и офицерам отказаться от участия в агрессивной войне против СССР и стран антигитлеровской коалиции, не выполнять преступных приказов, повернуть оружие против Гитлера [1, с. 430; 4, с. 52].

Листовки на немецком языке разъясняли военнослужащим вермахта ситуацию на фронтах, разоблачали ложь геббельсовской пропаганды, напоминали об уроках истории. Так, в одной из таких листовок, озаглавленной «10 вопросов и ответов», агитационный материал был размещен предельно доступно и лаконично, в форме кратких ответов на вопросы, сформулированных в этом документе. Листовка содержала, например, такие вопросы и ответы: «Почему мы сбрасываем на вас листовки одновременно с бомбами?», – ответ: «Потому что мы должны уничтожить вашу боевую мощь, и, вместе с тем, рассказывать вам правду о войне»; «Может ли Гитлер победить?» – ответом, разумеется, было категоричное «Нет. Никто никогда не сможет победить Россию»; «Способен ли Гитлер заключить мир?» – ответ «Нет. Никто не пойдет на соглашение с Гитлером»; «К чему приведет продолжение войны?» – ответ «К сокрушительному поражению Германии»; «Каков путь выхода из войны?» – «Только один – в немедленном свержении Гитлера и его клики». В листовке отрицалось наличие расовой ненависти у советского народа в отношении немцев или стремление уничтожить немецкое государство. Опровергалось существование якобы у СССР намерения вмешаться во внутренние дела Германии после войны. Не обошлось и без извечного русского вопроса «Что делать?», адресованного

на сей раз немецкому народу. Ответом было: «Действовать. Борьтесь против нацистской клики Гитлера». Листовка завершалась призывом к немецким солдатам повернуть оружие против Гитлера [5, f. 883-884]. Таким образом, данный документ, выходя за рамки пропагандистского призыва, представлял по сути краткую программу действий для уставших от войны и намеревающихся влиться в ряды антифашистов.

Другая листовка, озаглавленная «Россию нельзя победить!», обращалась к исторической памяти немцев и содержала цитаты из высказываний видных немецких исторических деятелей (Фридриха Великого, Бисмарка, Клаузевица, Мольтке, Грёнера и др.) о России и русских, предостерегающие от ведения войны с этой страной и высоко оценивающие патриотизм и силу русского народа [12, f. 703].

В некоторых листовках использовался фотоматериал, полученный от союзников и по каналам нейтральных стран, запечатлевший разрушения в немецких городах в результате налетов англо-американской авиации. Эти фотографии сопровождала подпись на немецком языке: «Разрушением чужих городов Гитлер навлек ужасы бомбардировок на города Германии!» [Ibidem, f. 702]. В листовках особо указывалось, что они одновременно являются пропусками в плен. Однако традиционная приверженность немецкого солдата воинской дисциплине и присяге, мощная обработка сознания военнослужащих вермахта нацистским пропагандистским аппаратом, а также, не в последнюю очередь, взаимное ожесточение вооруженной борьбы на советско-германском фронте к середине второго года войны обуславливали малое количество германских солдат и офицеров, сдававшихся в плен советским войскам в те месяцы.

Тем не менее, сдача в плен военнослужащих вермахта под Малгобеком не была столь уж единичным явлением, что подтверждают немецкие штабные документы. Так, в них отмечается, что советские подразделения пропаганды под Малгобеком распространяли письмо-обращение к немецким солдатам, подписанное сдавшимися в плен обер-ефрейтором 50-го гренадерского полка 111-й дивизии Гейнцем Леманном. В письме говорилось: «Дорогие друзья! 21 сентября я был ранен и попал в плен. Я думал, что часы мои сочтены. Но я встретил хорошее обращение и нахожусь в безопасности. После окончания войны я вернусь домой. Многие из вас еще попадут в плен и вам на многое откроются глаза. Я желаю вам только добра. Сдавайтесь в плен. Ваш Гейнец Леманн». Распоряжение отдела 1с штаба 111-й пехотной дивизии требовало выяснить, действительно ли обер-ефрейтор Леманн служил в 50-м гренадерском полку и в случае подтверждения его принадлежности к данной части – выяснить, вправду ли он является автором письма [6, f. 1090].

Для желающих сдаться распространялись «10 правил для желающих сдаться в плен». Они гласили: «1. При атаке не стреляй или стреляй в воздух. Притворись мертвым или раненым, в качестве знака для сдачи запасись белым платком. 2. При атаке русских танков имитируй панику и беги, но не назад, а вперед. Бросай винтовку, подними руки, и выходи из зоны боев в тыл. 3. Во время маршей ночью или в лесистой местности ты можешь сдаться партизанам, предъявив пропуск в плен или крикнув “Русс, сдаюсь”. <...> 5. Во время разведки или вылазки ты можешь легко сдаться в плен. Возьми с собой одного или нескольких товарищей, они послужат тебе хорошей кампанией в дальнейшем. 6. Стоя на часах один, смотри, как ты лучше можешь скрыться. Услышав окрик “Стой!”, подними руки и остановись. 7. Наиболее благоприятное время для перебежчика – это предзакатные сумерки. Увидев русские посты, подними руки и остановись. 8. Знаки различия ты должен сохранить. <...> 10. Очень хорошо, если у вас будет с собой русская листовка, в качестве пропуска в плен, но все равно подними руки вверх. Тысячи солдат и офицеров спасут так свою жизнь» [7, f. 1077]!

Советские громкоговорители под Малгобеком называли также имена сдававшихся в плен, передавая от их имени приветы на родину. Назывались также части, к которым они принадлежали.

Таким образом, на примере Малгобекской оборонительной операции можно проследить нарастание психологической войны, которая велась обеими противоборствующими сторонами на протяжении 1942 г. В ходе этого противостояния использовались различные методы: от радиовещания на войска противника до разбрасывания листовок и адресных акций диверсионных групп за линией фронта. Объектом пропаганды были как войска, так и местное население. Прежде всего это относится к попыткам германского командования использовать многонациональность Северо-Кавказского региона в своих целях. Тем не менее, несмотря на все усилия, предпринимавшиеся противником для дестабилизации положения в многонациональных регионах Северного Кавказа, ставших ареной боевых действий, эти старания не достигли успеха.

Список источников

1. **Битва за Кавказ в документах и материалах.** Ставрополь, 2003. 508 с.
2. **Ибрагимбейли Х.** Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». М., 2012. 416 с.
3. **История Ингушетии.** Ростов-на-Дону, 2013. 601 с.
4. **Крепость на Тереке.** Грозный, 1979. 143 с.
5. **10 Fragen und Antworten / 111 Inf. Div. 34428/11. Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic, Band II mit Anlagen. 1-31 October 1942 // The U.S. National Archives and Records Administration (NARA). T-315. R. 1267.**
6. **111 Inf. Division Ic an Grenadier-Regiment 50 / 111 Inf. Div. 34428/11. Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic, Band II mit Anlagen. 1-31 October 1942 // NARA. T-315. R. 1267.**
7. **Abgehorte Sendung eines russisches Hetzsenders / 111 Inf. Div. 34428/11. Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic, Band II mit Anlagen. 1-31 October 1942 // NARA. T-315. R. 1267.**
8. **Abschrift № 1 / 111 Inf. Div. 34428/11. Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic, Band II mit Anlagen. 1-31 October 1942 // NARA. T-315. R. 1267.**
9. **Befehl vom 17.10.42 / 111 Inf. Div. 34428/11. Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic, Band II mit Anlagen. 1-31 October 1942 // NARA. T-315. R. 1267.**

10. **Meldung des 03 vom 13.10.42** / 111 Inf. Div. 34428/11. Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic, Band II mit Anlagen. 1-31 October 1942 // NARA. T-315. R. 1267.
11. **Meldung des 03 vom 16.10.42** / 111 Inf. Div. 34428/11. Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic, Band II mit Anlagen. 1-31 October 1942 // NARA. T-315. R. 1267.
12. **Russland ist nicht zu besiegen!** / 111 Inf. Div. 34428/11. Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic, Band II mit Anlagen. 1-31 October 1942 // NARA. T-315. R. 1267.

**PSYCHOLOGICAL WAR IN THE CAMPAIGN OF 1942 ON THE SOVIET-GERMAN FRONT
(BY THE EXAMPLE OF MALGOBEK DEFENSIVE OPERATION)**

Matiev Timur Khusenovich, Ph. D. in History
Ingush State University, Magas
tmt_77@list.ru

The article examines the measures taken by conflicting parties to organize and conduct psychological war and counterpropaganda during the 1942 Battle of the Caucasus by the example of Malgobek defensive operation. The author emphasizes the importance of propaganda and counterpropaganda under conditions of military confrontation on the Soviet-German front in the mentioned period. The paper considers the measures taken within psychological war and targeted both at military men and civilians. The different forms of propaganda (radio programs, leaflets, etc.) are analyzed. Special attention is paid to the activity of front line propagandists.

Key words and phrases: Malgobek operation; Battle of the Caucasus; psychological war; propaganda; agitation; leaflets; subversive activity.

УДК 738.6

Искусствоведение

В статье автор рассматривает ряд проблем, связанных с исследованием мелкой пластики в контексте мировой художественной культуры. Одной из основных является проблема идентификации – определения мелкой пластики как вида изобразительного искусства или же искусства декоративно-прикладного. Произведения искусства малых форм встречаются в разных культурах и в разные исторические периоды и, несмотря на большое разнообразие, имеют ряд схожих иконографических и иконологических признаков. При этом относятся то к памятникам изобразительного искусства, то к предметам искусства декоративно-прикладного. В работе автор рассматривает эту проблему, а также выявляет семантические и стилистические связи между мелкой пластикой и другими видами мобильного искусства.

Ключевые слова и фразы: мелкая пластика; скульптура малых форм; феномен куклы; игрушка; проблема телесности; мобильное искусство.

Митина Мария Николаевна

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург
mitina.mary@gmail.com

**МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ:
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ В ИСКУССТВЕ И ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА**

Обширное и в то же время чётко очерченное понятие изобразительного искусства в искусствоведении определяется как воспроизведение образов окружающего мира, хотя существует множество вариантов определения этого термина. Вопрос терминологии, теоретического обоснования и ёмкости определения – обширное поле для дискуссий и разносторонних подходов. Так, Л. С. Выготский [4] исследует проблемы психологии искусства, соответственно и само определение искусства как такового рассматривает под этой призмой. Г. Н. Поспелов [13] уделяет большое внимание познавательной особенности искусства, выделяя именно этот аспект основой для формирования терминологической базы. Ж. М. Гюйо [5], размышляя об искусстве и его характеристиках, настаивает на том, что любой эстетически направленный порыв имеет под собой общественно сформированную основу. Это лишь несколько примеров из великого множества интерпретаций и терминологических обоснований. Безусловно, при рассмотрении того или иного аспекта углубление в сторону интересующей темы оправданно и необходимо.

Мелкая пластика, являясь одним из видов изобразительного искусства, в разные исторические периоды играла важную роль в жизни человека. Сам термин был впервые применен в 1920-х гг. в Германии в каталогах Берлинского музея для обозначения малых форм скульптуры Древнего Египта. Очень часто мелкую пластику воспринимают как часть декоративно-прикладного искусства, отмечая «техническую» сторону создания произведения, таким образом подчеркивая ремесленную составляющую процесса работы с фигурками. Стоит отметить, что в этой дискуссии о мелкой пластике как явлении изобразительного искусства и существовании в ней признаков декоративно-прикладного искусства выявляется феномен мобильного искусства в целом.

А. Дельпорт относительно палеолитического искусства использует термин “l’art mobilier”, говоря о различии между наскальным искусством и искусством малых форм [16, p. 123]. Сам термин “l’art mobilier” переводят